

РАССКАЗЫ

ГОГЕНОВСКИЙ РАЙ

1

Гогеновский рай — первобытные смуглые люди на фоне фиолетовых деревьев — примерно так представлял Вадим Таити. Перелет с Air France через Париж и Лос-Анджелес занял сорок четыре часа. В Папеезе его внимание привлекли пальмовые парки: серые, пепельные, сухо шелестящие. В лохматых стволах было что-то конское. Увы, парки оказались обезображенными конструкциями детских площадок, всеми этими горками, лесенками, домиками из ядовито-яркого цветного пластика. По всему миру — одно и то же. Безвкусица распространяется быстрее вируса. Католическая церковка с узким шпилем сильно смахивала на баптистские дома где-нибудь под Краснодаром: барак с узкими окнами и крылечком. Пока Вадим рассматривал здание мэрии, скорее напоминающее санаторный домик с просторными балконами, чем административное здание, мимо пронеслись по плиточным дорожкам на роликах и велосипедах смуглые подростки.

В жизни все оказывается не так. Не то что серее или скучнее, а как-то совсем не так. Как будто нас все время надувают хитрые рекламщики. Накануне отлета Вадиму позвонил сосед по мастерской Пичугин:

— Слушай, — сказал он, шумно дыша в трубку, — на черта тебе это Таити? Там то же самое, что и здесь. Те же дома, те же люди.

Вадим представил нестерпимый бардак в мастерской Пичугина и его самого — лохматого, в трениках, перемазанных краской, в рваной футболке.

— Надоело же все одно и то же. Пальмы попишу, океан.

— Давай лучше в Плёс смотаемся. Левитановские места.

— Я уже билет купил.

— Ну и зря. Деньги на ветер.

Насколько Пичугин оказался прав, Вадим понял, забредя на местный рынок. Дело было к вечеру. Торговые ряды, сваренные из уголков и листов железа, пустовали. Солнце палило вовсю, и хотелось пить. У самого входа Вадим наткнулся на зеленый оазис. Толстая тетка с помидорным лицом краснодарской хохлушки продавала цветы в горшках, те же самые, что и на наших рынках, почти сплошь «тещины языки». Рядом сидел, обводя редких покупателей равнодушным взглядом, хохол лет пятидесяти, с усами скобкой, в цветной рубашке и, несмотря на жару, в светлом расстегнутом пиджаке

Владимир Юрьевич Перцев родился в 1963 году в городе Гаврилов Ям Ярославской области. Окончил Ярославское художественное училище. Поэт, прозаик. Член Союза российских писателей. Лауреат нескольких международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах «Юность», «Континент», «Плавучий мост», «Нева», «День и ночь», «Балтика» и др. Автор пяти книг. Живет в Ярославле.

и брюках. Узкие ботинки стояли в сторонке. Хохол сидел босиком и шевелил пальцами ног, отгоняя мух.

— Здрасьте, — поздоровался Вадим. Но торговцы не ответили. Тетка даже не моргнула. А мужик прищурил один глаз и показал золотые зубы.

«Нет, не хохлы, — подумал Вадим, — но вылитые».

Проплывая над рассыпавшимися верхушками пальм на «чертовом колесе», он далеко за городом увидел блистающий на вечернем солнце залив. Потом как-то внезапно сделалось темно, и город наполнился искусственными огнями.

Дешевый отель, где Вадим остановился, имел общий внутренний дворик, обсаженный цветами и кустарниками. Из тринадцати комнат занятыми оказались четыре. В соседнем номере обитал немец. Он выпил за ужином и пытался заигрывать с молоденькой белозубой официанткой, просыпая сквозь плохой английский крепкие немецкие словечки. Потом, услышав, как Вадим, задев ногой ножку стула, чертыхнулся, подсел к нему, спросил на ломаном русском:

— Разрешайт?

Вадим пожал плечом:

— Сидите.

— Мой фрау был aus Russland, — сообщил немец, — понимайт?

Вадим кивнул.

Он расставил тарелки и принялся за еду. Немец имел полноватую, несколько оплывшую фигуру, рябоватый с лица. На вид лет сорока пяти, но может быть, и старше. В кремовой рубашке с короткими рукавами и джинсовых шортах. На ногах шлепки.

— Она много шутить. Называть я — мой фа-шис-тик.

Вадим усмехнулся.

— Это не так. Я не есть фашист. Ich bin Bankangestellter. Понимайт?

Вадим отрицательно помотал головой.

— Работать ин айнер банк.

— А, работаете в банке? Понятно, да.

— Ja, ja, auf der Bank.

— Где же она, ваша фрау?

Немец откинулся на спинку стула, посмотрел на Вадима как-то горестно, с искренним недоумением:

— Ехать nach Russland. Я не понимайт.

Кое-как отвязавшись от немца, Вадим вышел во дворик, сел на скамейку под фонарем, слабо освещавшим местность. Слоновья нога пальмы уходила в темноту над головой, и где-то там пошевеливалась и сухо шелестела узкая листва, неясным темным силуэтом перекрывая плотно усыпанное звездами небо. Из-за высокой каменной ограды доносились звуки ночного города, шум проезжающих машин. Потом Вадим почувствовал, что он не один. Всмотрелся в темноту у ограды, но ничего не заметил. Подошел ближе, осветил телефонным фонариком. Оказалось, это плита из серого ноздреватого камня с глубоким рельефом. На каменном цветке лотоса, как на подушке, скрестив ноги, сидел Будда, опустив веки и тонко улыбаясь. Правой ладонью владыка миров делал знак остановиться, а левой, лежащей у сердца и раскрытой вверх, предлагал оценить тяжесть увесистой пустоты, при этом изящно и игриво отставляя в сторону мизинец.

Вадим выключил фонарь, прислушался к звукам ночного города. Ему вдруг показалось, что он не за тысячи километров от России, а у себя на даче. Если, конечно, не брать в расчет Будду, пальмы, немца этого...

Немец нашел его и здесь. Подошел, слегка пошатываясь, держа в руке бокал с вином.

- Я есть Курт, — сказал он Вадиму.
— Вадим, — с неохотой представился Вадим.
— Я много работать, — многозначительно сказал немец, — теперь много ездить.
Вадим кивнул.
— Как вам тут? — спросил он немца, окинув взглядом дворик.
Немец поморщился:
— Французы все портить. *Wilde müssen Wilde sein. Sie sollten sich der Nacktheit nicht schämen*¹.
Он допил вино, повертел бокал в руках и поставил его на плиту и опять обратился к Вадиму:
— Бизнес?
— Нет, путешествую. Вообще-то, я художник, — вздохнул Вадим.
— О! — немец склонил голову набок, всматриваясь в худощавое лицо с профессорской бородкой. — Гоген? Рай? *Viele nackte Frauen*?²
Он покровительственно похлопал Вадима по плечу.
— Понимайт. Океан, пальмы und Frauen. Ja, ja.
Вадим поморщился, немного отстранился. Немец его раздражал.
— Рай для свиней, — сказал немец без перехода.
Вадим сел на скамейку, запрокинул голову, пытаясь найти знакомые созвездия.
Немец постоял и пристроился рядом.
— Это все есть глупо.
— Всюду жизнь, — сказал задумчиво Вадим.
— *Nahrung* и *Trockenschränke*³.
Немец искал глазами недопитый бокал, но не встал. Он вытянул ноги и в таком состоянии положил одну на другую. И вроде как стал задремывать, но внезапно вскинул голову:
— Зачем? — немец обвел дворик и звездное небо пьяными глазами.
— Что зачем? Зачем мы тут сидим или зачем все это Бог сотворил?
Широкое лицо немца наклонилось, Вадим чувствовал винный запах.
— Ну, брат, — он усмехнулся, — похоже, в каждом пьяном немце просыпается Кант.
Немец не уловил.
— Не надо быть шутка, — сказал немного обиженно, — я есть говорить.
— Извини, но с таким запасом слов мы с тобой вряд ли до чего-нибудь договоримся.
— Я иметь хороший работа, иметь дом. Зачем ехать *nach Russland*?
— А, вот ты о чем, — догадался Вадим, — ну, это у нее надо спросить. Чужая душа — потемки. Может, по родине соскучилась, а может, просто — ты храпишь сильно, спать ей не даешь. Как тут узнаешь?
Немец склонился еще ближе. Вадиму было видно, как в звездном свете мерцают белки его глаз.
— Нет, русский не есть дикий. Русский есть — ребенок, *Jugendliche*. Вы не знать, что хотеть. *Böse dumme Teenager*⁴.
— А ты чего хотеть? — спросил Вадим несколько сердито. Сам он хотел побыть в тишине, и немец ему надоел.
— Я хотеть хлеб и молоко для мои дети. Хотеть не быть бедным. Это много?
Вадим не ответил, не знал, что ответить. Он бы тоже не отказался от всего того, чего хотел немец, но как-то все это было слишком очевидно, банально. И главное,

¹ Дикари должны быть дикарями. Они не должны стесняться наготы.

² Много голых женщин?

³ Питание и биотуалеты.

⁴ Подростки... Злые глупые подростки.

не только не исчерпывало всех его желаний, но и не выражало самого главного. В чем оно, это главное, вряд ли он мог бы сформулировать, но именно оно заставляло его ездить, чего-то искать, думать.

— Я хотеть жить океан, — сказал немец, отстраняясь, — я хотеть быть дикий, — он махнул рукой за ограду, в сторону океана.

— А что, еще есть такие? — с легкой насмешкой спросил Вадим. Он вспомнил фотографию в учебнике по географии, на которой на фоне шалаша из пальмовых листьев был запечатлен темный кудрявый туземец с вывернутыми ноздрями, прикрытый только набедренной повязкой. На руке его вместо кораллового ожерелья можно было рассмотреть поблескивающие отполированной сталью часы. Наверно, был у него и приемник, и костюм для выхода в город, а возможно и катер или мотоцикл. Раздевался он только для туристов, а после фотосессии одевался, зашнуровывал белоснежные кроссовки и, вполне счастливый, рассказывал по карманам заработанный гонорар.

— Я хотеть быть дикий. Scheiß auf die Bank, Hannover. Nur das Meer und die Palmen⁵. Понимайт?

— Понимайт. Чего не понять. Только где бы их взять, этих диких?

— Есть где, — сказал немец внушительно, — я знать где. Я ехать.

— Набрался ты, брат немец, вот что. Иди-ка спать. — Вадим сложил ладони и приложил к щеке, храпанул, изображая сон.

— Ja, — сказал немец, — спать. Утро — gut, вечер — schlecht, — переложил он русскую поговорку.

Он встал, забрал с плиты бокал, выплеснул вино на клумбу и поплелся к отелю. На крыльчке у него слетела шлепка, и он долго шарил ее в темноте. Потом за ним хлопнула дверь. Вадим посидел немного и тоже пошел в номер. Опустил шторы, расправляя простыни, ощутил знакомый запах стирального порошка, и ощущение дома вернулось. Засыпая, снова увидел каменного Будду и густые россыпи звезд над головой.

2

Проснулся Вадим поздно, отоспавшимся, бодрым. Распахнул шторы, наполнив номер мягкой солнечной дымкой, птичьим щебетом, шумом города. С удовольствием умылся и почистил зубы, вдыхая знакомый мятный запах пасты и незнакомый, но приятный цветочный запах мыла. В столовой молоденькая улыбочивая официантка принесла ему завтрак, кофе и сигару. Кофе оказался второсортным, пережаренным, а сигара, плотная, тяжелая, с золотой наклейкой, источала чудесный аромат, какой-то тропический, душный и дурманящий. Вадим помял ее и поставил в карман рубашки.

Немец вышел хмурый, молчаливый, сухо поздоровался и уселся за дальний столик. «Ну и ладно, — одобрил поведение немца Вадим, — мешать не будет». Он вернулся в номер, отобрал краски, кисти, воткнул в кассетницу пару картонок, повесил этюдник на плечо, подхватил зонт.

Выйдя из гостиницы, пошел в сторону океана. Озираясь, перебежал на красный свет довольно тихую трассу и по плиточному тротуару зашагал по узкой улочке, заглядывая в окна небольших магазинчиков с вывесками на французском языке. Его обогнал белый автобус с красной отделкой, чем-то напоявший китайскую пагоду. Водитель сидел в отдельной кабине, а пассажиры — в фургоне без задней стенки. На крыше автобуса тоже размещались сиденья, и туда вели две лесенки, наподобие тех, с помощью которых наши водители троллейбусов поправляют «усы», притягивая их, как норовистых жеребцов, длинными вожжами. В одном месте, засмотревшись на вывес-

⁵ К черту банк, Ганновер. Только океан и пальмы.

ску, Вадим споткнулся о моток желтого поливального шланга, брошенный посередине умытого тротуара. Помянув в сердцах японского бога, поправил съехавший с плеча этюдник и перешел на другую сторону. Свернув в переулочек, увидел знакомый силуэт маяка Кука, возвышающийся над лохматыми пальмами, а за ним — лес мачт и рей. Пошел в этом направлении и оказался у залива. Большие прогулочные яхты неподвижно, тесно одна к другой стояли у причала, перекрыв простор. Под ними медленно дышал океан и змеились отражения. Обходя причал по тропе, выложенной плиткой, Вадим наткнулся на смуглого, по пояс голого человека, который спал возле скамейки, уткнувшись лицом в пыльный коврик. Вадим сел на скамейку, снял с плеча этюдник и поставил рядом. Он посмотрел на голые грязные ступни спящего и пожал плечами. Берег серой песчаной косой огибал залив. Редкой цепочкой, наклоняясь к океану, топорщились пальмы. Их лохматые верхушки, напротив, отвернулись к берегу, как будто на океан и смотреть не желали, так он их истрепал. Вадим прикинул, как скомпоновать мотив. Солнце светило немного сзади. Выныривая из туч, оно лучилось и сияло, но небо оставалось мутным, сероватым. Это был совсем не Крым с его яркими красками. Здесь все было серое: песок, пальмы, небо. И солнце лучилось как-то неестественно ослепительно, как электросварка.

Расставив этюдник, выдавив краски, Вадим стал писать. Наметил общий колорит, но долго мучился с освещением, никак не мог передать яркий солнечный свет на пепельной поверхности серого прибрежного песка, пальмовой листвы. В конце концов намешал серой краски и попал. Этюд получился холодный, насыщенный светом, но почти монохромный.

«Где тут Гоген нашел свои домотканые цвета?»

Неторопливо вымыл кисти, вычистил палитру. Он писал часа два, и за это время мимо него проносились на роликах смуглые подростки, прошла немолодая пара, очевидно, туристов. Человек на коврике так и не проснулся. Вадим подхватил этюдник и пошел вдоль залива, всматриваясь вдаль. Оттуда на берег набегали волны, с каким-то галечным шуршанием шлепались на серый песок. Метрах в трехстах качались катера, а еще дальше на рейде неподвижно застыл огромный океанский лайнер.

Побродив по косе и не найдя больше ничего интересного, Вадим вернулся к причалу. И тут заметил немца. Немец сидел на свае у воды и ловил рыбу, забрасывая груз с крючком и наживкой далеко в воду. У ног его стояло пластиковое ведерко. Его полная сутуловатая фигура в желтой футболке хорошо была заметна среди серых бетонных свай. За его спиной, как вороны на заборе, сидели и стояли на сваях местные мальчишки и скалили белые зубы. Немец обернулся, почувяв взгляд Вадима, махнул ему рукой. Вадим подошел ближе, заглянул в ведерко. Там лежало несколько пестрых рыбин размером с ладонь.

— Я ловить рыба, — сообщил немец, обернувшись, и кивнул на мальчишек: — Они смеяться.

Мальчишки с интересом смотрели на немца и громко со смехом переговаривались.

— Я ловить, они — кидать океан.

Обратно в отель они шли вместе, каждый со своим уловом. На кухне, куда немец принес ведерко, огромный свирепого вида повар-туарег брезгливо, одним пальцем перебрал рыбу и молча вернул ведерко. Рыба оказалась несъедобной. Немец расстроился.

— Глупость, — сказал он, — зачем нужен рыба, который нет еда?

Вечером за ужином он подсел к Вадиму, многозначительно заглянул в глаза.

— Am Morgen⁶.

— Что? — не понял Вадим.

⁶ Утром.

— Am Morgen, — повторил Курт еще таинственнее. — Ich gehe dorthin, wo ich endlich diese verdammten Klamotten ausziehen kann⁷.

— Идешь? Куда идешь? Спать?

— Nein, nein. Нет спать. Я ехать. Am Morgen gibt es ein Boot⁸.

— Boot?

Вадим положил вилку, отодвинул тарелку и взялся за компот.

— Ja. Am Morgen, — сказал Курт, придвинувшись еще ближе.

«Кажется, сейчас он возьмет меня за рукав», — подумал Вадим, но немец отодвинулся.

— Я ехать, ты ехать, — сказал он.

— А, понял, ты приглашаешь меня с собой в поездку? На катере?

Немец обрадованно закивал:

— Ja, ja, auf dem Boot. Am Morgen⁹.

— Утром?

— Ja, ja.

Вадим задумался. Почему бы и не поехать с этим немцем. Вероятно, это будет не скучнее прогулки по парку. Какой-нибудь остров неподалеку, где есть лагуна, по которой в воскресный день катаются всей семьей местные жители на арендованных лодках.

— Сколько это стоит? — спросил он. — Wie vieles kostet?

— Нет, нет, — сказал немец, — Я платить.

— О! Почему такая щедрость, Курт? Ты меня хочешь осчастливить? Хорошо, я согласен.

Немец не понял, он в немом ожидании смотрел Вадиму в рот.

— Да, — сказал Вадим, — ich fahre.

Курт повеселел. Он откинулся на спинку стула и пощелкал пальцами, подзывая официантку.

— Wein¹⁰, — сказал он подошедшей девушке.

3

На причале их подобрал катер, мощный, двухмоторный, но какой-то неухоженный, со сбитой краской на бортах, проржавевший. Два неразговорчивых туарега знаками пригласили их занять места, молча отвязали канат, веслом оттолкнулись от береговых блоков. Взревел мотор, катер тут же задрал нос и, дав широкий разворот, набрал скорость.

Туареги сидели впереди, Вадим видел перед собой их широкие спины в спасательных жилетах, массивные обнаженные плечи, толстые короткие шеи и стриженные затылки. Их с Куртом тоже заставили надеть эти жилеты. Сидеть в них было неудобно. Вадим откинулся в кресле, позволив ветру со всей силы дуть в лицо, трепать волосы и бородку. Берег стремительно отдалялся. Солнце припекало плечи, вися где-то справа, и иногда, когда катер уклонялся от курса, забегало спереди и слепило до зеленых «зайчиков». Во внутреннем кармане спортивной сумки, которую Вадим взял с собой, лежали солнцезащитные очки, но он не спешил воспользоваться ими, предпочитая видеть все «вживую». Пока уходили от берега, налетали крачки, зависали над самым бортом, визгливо орала и отставали, не найдя чем поживиться. Когда берег растаял в сероатой дымке, Вадим перестал оглядываться. Он сидел, полуприкрыв глаза, и смотрел на набегающие волны.

⁷ Я иду туда, где можно будет наконец снять эти чертовы одежды.

⁸ Утром идет катер.

⁹ Да, да, на катере. Утром.

¹⁰ Вина.

Курт с утра был угрюм, неразговорчив, сидел ссутулившись и мрачно смотрел в океан. Всю ночь он ходил в своем номере, два раза выходил в бар. У него до тошноты болела голова, он морщился и тер виски. Катер то поднимался на набегающую волну, то проваливался, монотонно гудели моторы, и немца в конце концов укачало. Он обхватил спинку переднего кресла, ткнулся в нее лицом и уснул. Вадим боялся, что он вывалится за борт, и постоянно держал в поле зрения. Туареги лениво переговаривались между собой на своем наречии, передавали друг другу бутылку с водой, но ни разу не обернулись в сторону пассажиров. Если бы те вывалились за борт, они бы так и продолжали гнать катер как ни в чем не бывало.

Часа через четыре у Вадима затекли ноги, ломило поясницу. Он ерзал на жестком кресле, отыскивая наиболее удобное положение. Океан был пуст. За все время пути они не встретили ни одного судна. Многоярусно громоздились облака, в которые то и дело ныряло лучистое солнце, тут же просвечивая их насквозь, зажигая края. Вадим то в упор смотрел на набегающую волну, встающую перед носом катера, неслышно возносящую его и так же мягко опускающую, то на загроможенный облаками горизонт. И все-таки прозевал землю. Она появилась как-то неожиданно — спереди и справа вдруг открылся плоский участок суши, серый, густо покрытый пепельными пальмами.

Катер обошел остров, нашел протоку и, сбавив скорость, вошел в лазурную лагуну. Идя на малом ходу, пробрался к небольшому моту и ткнулся в серый коралловый песок. От толчка немец, спавший всю дорогу в обнимку с креслом, дернулся и проснулся. Недовольно вскинул голову, дико озираясь.

— Bist du angekommen? Gut!¹¹

Вслед за Вадимом он полез на берег. Вадим прыгнул на хрустнувший песок, содрал с себя спасательный жилет, повертел затекшей шеей, присел несколько раз и осмотрелся. С трех сторон лагуна заросла кустарником, Над головой сухо шелестели пальмы. Туареги выбросили на берег их вещи, выставили шестилитровую пластиковую бутылку с водой и, не сказав ни слова, отчалили. Вода под винтами забурлила, и катер, чуть накрываясь на правый борт, пошел к протоке.

— Вот мы и робинзоны, — как-то сиротливо посмотрев на удаляющийся катер, сказал Вадим.

— Ja, — поддакнул немец, не поняв и даже не расслышав того, что сказал Вадим.

Они подобрали вещи, потыкались в кусты, отыскивая тропу, и, не найдя ее, полезли напролом в гущу пальмовой рощи. Вадим шел впереди. Колючие кустарники цеплялись за ремни этюдника, за лямки сумки, норовили поцарапать лицо. Немец нес бутылку. В сырой пальмовой роще стоял крепкий запах гнилой древесины. Тут и там лежали поваленные трухлявые стволы, бурые гниющие кокосы. Недавно здесь похозяйничал очередной тропический циклон. За рощей проступало небо и шумел прибой. Они выбрались на прибрежный песок и сбросили вещи. Немец окинул пустынный океан и стал раздеваться. Снял шлепки и шорты, с вызовом посмотрел на Вадима и снял плавки. Оставшись в чем мать родила, побрел вдоль прибоя, но вдруг заскакал и быстро вернулся, сунул ноги в шлепки, поморщился. Песок оказался раскаленным. Обувшись, скрестил на груди руки и побрел вдоль берега. Жесткий коралловый песок почти не оставлял следов. Вадим пошел за немцем.

Они обогнули полосу прибоя, мангровые заросли с оконцами дышащей воды и оказались у дощатого вагончика, кое-как обшитого ржавыми листами железа. В крохотном окне не было рамы, а дощатая дверь, скрипя, раскачивалась на одной петле. На узком порожке в дверном проеме сидело и смотрело на них существо, при первом взгляде на которое оба содрогнулись. Это был огромный туарег кубической формы, совершенно голый и черный от загара. И это была женщина.

¹¹ Приехали? Хорошо!

4

Часа два они лазили по зарослям, собирая кокосы в груды и потом перетаскивая их корзинами к вагончику. Анаба (так звали женщину) сидела на раскладном стульчике Курта, наполовину вогнав его в песок тяжестью своего тела, и широким мачете очищала орехи.

Вадим изодрал ноги, а Курт напоролся на здоровенный шип и окровавил себе бок. Женщина покачала головой. Не говоря ни слова, она скрутила сигару из каких-то листьев, раскурила ее и ткнула бегающий красными искорками конец немцу в рану. Немец взвыл и в ужасе отшатнулся. Женщина показала широкие плоские зубы и издала звук, напоминающий сдержанный смешок.

— До свадьбы заживет, — сказал Вадим, осмотрев рану.

— Es war sehr schmerzhaft!¹² — пожаловался немец.

— Дезинфекция, — пояснил Вадим, — грубо, но действительно. А ты что хотел? Здесь антибиотиков нет.

Немец с недоверием посмотрел на него и выпятил нижнюю губу, как обиженный ребенок. Держась за пострадавший бок, он еще долго что-то бубнил себе под нос.

Потом они смотрели, как Анаба охотится. Она зашла по пояс в прозрачную воду лагуны и замерла, как окаменела, с занесенной над головой острогой. Она простояла так минут двадцать. Вадим и Курт, притаившиеся на берегу, старались не шевелиться. У Вадима затекла шея, а Курт, застывший в неудобной позе, дернулся и с виноватым видом сел на песок. Вадим видел, как дышит бирюзовая вода лагуны, как мерцает сеть солнечных бликов на донном песке. Стайка мальков окружила столбообразные ноги женщины, мальки тыкались в них, прихватывали ртами волоски. Потом из глубины осторожно вышли две большие рыбины, лениво шевеля плавниками, стали обтекать стайку мальков. В это мгновение расщепленный конец остроги, стремительно войдя в воду, пронзил одну из рыбин. Вадим даже глазом моргнуть не успел, а женщина уже с шумом выходила из воды на берег, неся над головой острогу со вздрагивающей рыбиной.

На закате, пока Курт натаскивал и ломал сухой валежник для костра, Вадим, поставив этюдник у полосы прибоя, писал этюд. Оружие крачки, слетавшие с деревьев и разгуливающие по песку, с любопытством смотрели на него. Солнце довольно долго укладывалось сначала в шафрановые, а потом в пурпурные и сиреневые облака, устраиваясь на ночь. Оно так и угасло, не дойдя до горизонта. Океан сразу поскучнел, замерцал холодно, отчужденно. Подул ветер, и сделалось как-то неуютно. Вадим вычистил палитру, сложил этюдник и вернулся к вагончику.

Здесь уже горел костер, и Курт, весь чумазый, прокопченный, шевелил палкой угли и подкидывал в огонь сухие ветки. Женщина сидела на песке, подобрав под себя ноги, массивная, с грубоватым, точно вытесанным из камня, лицом, шурясь от дыма и лоснясь от пота.

Добычу завернули в широкие листья и запекли на углях.

— Oh? Mein Gott, wie lecker!¹³ — престонал немец, попробовав рыбу.

Вадим отслоил от хребта небольшой кусок нежного мяса, подул, покатавал во рту, подмигнул немцу:

— Ничего, пойдет с голодухи.

С наступлением темноты шум прибоя сделался как будто громче, отчетливее. На небе высыпали обильные звезды, крупные, близкие, какими-то дивными крестами и квадратами, тихо мерцающая над невидимым, шевелящимся во тьме океаном.

¹² Было очень больно!

¹³ О, мой Бог, как вкусно!

После ужина Анаба знаками пригласила Курта в вагончик, а Вадим остался у догорающего костра. Он сидел лицом к океану и слушал его нескончаемый шум. Если заниматься повседневными делами: собирать кокосы, ловить рыбу, то океана вокруг будто бы и нет, перестаешь думать о нем, как-то привыкаешь не замечать, что окружен страшной бездной, которая в одно мгновение может смыть, поглотить и человека, и все, что он насадил, произвел, построил на клочке этой суши. Другое дело, когда вот так сидишь лицом к этой бездне. Тут уже невозможно не думать о ней, не осознавать ее ежечасного неотвратимого присутствия. И невольно приходят мысли о том, что же такое человек. Не есть ли он со всеми своими проблемами и достижениями только незначительный эпизод вечности, мгновенная вспышка сознания в бездне времен?

«Кто же мы? — думал Вадим, не в первый раз задаваясь этим вопросом, но как-то по-новому, обостренно. — Что мы знаем о себе, об этом мире? Что-то смутное, без начала и конца, наугад выхваченное из непроглядной Книги Бытия. Страшен мир. Темны его тайны».

В вагончике послышались какая-то возня и сдавленные крики.

— Nein, nein, nicht, ich will nicht!¹⁴ — кричал Курт.

Он вывалился наружу, подошел к костру, обессиленно опустился на песок. Полное рыхловатое тело его лоснилось от пота.

— Черт есть что! — сказал он возмущенно. — Это не есть фрау. Это есть большой свинья. Widerlich!¹⁵

Вадим спрятал улыбку, он прекрасно понимал немца.

5

После инцидента в вагончике Курт оделся. День они провели, осматривая остров. Это был совсем крошечный островок, состоящий из трех моту, соединенных между собой тонкой песчаной косой. Ветер шелестел в серых макушках пальм, подгонял неторопливые валы, вспенивающие береговую кромку. Внутри стояла бирюзовая лагуна. Снаружи со всех сторон подступал океан. Никаких признаков жилья, кроме вагончика Анабы, они не обнаружили. Пытались ловить в лагуне рыбу. Нашли и расщепили подходящую палку, по очереди затаивались, выжидая, пока приблизится добыча, но она была проворнее, и когда песчаная муть рассеивалась, оказывалось, что ее и след простыл. Бродили по отмели, отыскивая и собирая бурые тушки трепангов, но сырыми их есть не решились. Воду берегли, вскрывали кокосы, от которых в конце концов их замутило. В глубине роши нашли дынное дерево. Вадим забрался по скользкому зеленому стволу к макушке и отломил несколько наиболее спелых папай, сбросил вниз немцу. Курт ловил и складывал дынеобразные плоды на песок.

К вечеру вернулись туда, где оставили свои вещи и воду. Натаскали валежника, наломали пальмовых веток и устроили что-то вроде навеса. Пока Курт разводил костер, Вадим сходил к океану, на штормовой вал, покопался в кучах мусора, выброшенных на берег из океанских просторов. Среди обрывков сетей нашел запутавшуюся в них пустую консервную банку, подобрал несколько пластиковых бутылок. Банку помыли, наполнили океанской водой и поставили на угли. Когда вода закипела, обварили по паре трепангов. Среди вещей Курта оказался складной нож. Ловко им орудуя, немец распотрошил трепангов, вырезал зубы, порезал скользкие тушки на ленты. Затем почистил один плод папайи, разрезал его на дольки и соскреб семена, напоминающие горошины черного перца.

¹⁴ Нет, нет, не надо, я не хочу!

¹⁵ Отвратительно!

— Жаль, хлеба нет, — сказал Вадим, подмигнув немцу.

Но немец уже вожделенно урчал, разжевывая скрипучее, как соленый гриб, мясо трепанга.

— Жить можно, — сообщил Вадим, перекусив.

Из пластиковых бутылок, обрезав их, он соорудил стаканы, плеснул немного воды. Один взял себе, другой сунул немцу.

— Danke, — сказал Курт, облизывая губы. Он повеселел.

Приободрился и Вадим.

«Ничего, — думал он, — нормально, жирок погоним. Приключений хотелось, ну вот и пожалте».

После заката долго орали птицы, никак не могли угомониться. Вадиму не спалось. Несколько раз он выходил «покурить», выбирался из-под навеса, стоял на берегу, всматриваясь в непроглядную шевелящуюся бездну океана, вспыхивающую пеной по кромке прибоя. Глубокой ночью его разбудил настойчивый шорох. Вадим прислушался. Так и есть — тихое шуршание, потрескивание веток под чуткой ступней, будто кто-то осторожно перебежал от дерева к дереву по песку. Курт тоже не спал. Он сидел и слушал. Матово мерцали во тьме белки его глаз. Вадим привстал, чтобы лучше слышать. Шум стих, но через минуту возобновился. Кто-то к ним приближался во тьме. Курт хотел что-то сказать, он уже открыл рот, но Вадим приставил палец к губам, и немец, скорее угадав, чем увидев, замолчал. Шаги приближались. Курт достал и открыл нож. Вадим встал на четвереньки, подполз к костру, сунул в тусклые угли сухую ветку, лег щекой на песок и осторожно подул, раздувая малиновый жар. Листья задымились, стали скручиваться, чуть потрескивая. Внезапно ветка вспыхнула, одновременно ослепив их и осветив место ночлега. Тени бросились врассыпную, зашевелились, задвигались между стволами пальм. Прежде чем огонь погас, Вадим успел заметить удирающего пальмового вора. Он торопливо уползал боком, выставив перед собой клешни.

6

Вадим проснулся, когда солнце должно было стоять высоко. Но солнца не было. Над островом висела сплошная белесая хмарь. И было тихо. Не верещали птицы, не били в берег волны. В метре от навеса он заметил дыру в песке размером с хороший кулак, заглянул. В норе сидел толстый краб и смотрел на него маленькими злыми глазами. Что-то было не так.

— Курт, когда за нами придет катер? — крикнул он немцу, который угрюмо бродил вдоль прибоя.

— Не понимайт, — отозвался немец.

— Не понимает он, — буркнул Вадим, — Boot, wann kommt das Boot?¹⁶

— Das Boot? — немец даже как будто удивился. — Я не знаю.

— Ты не знаешь, когда нас заберут отсюда? Как так, Курт?!

Курт пожал плечами.

— Ты что, договорился в один конец?

Немец виновато улыбнулся.

— Как-то меня не вдохновляет — провести остаток дней в компании сумасшедшего немца и гогеновской принцессы. Курт?

— Ja.

— Как мы будем выбираться отсюда?

¹⁶ Катер, когда придет катер?

— Не понимайт.
— Дом, понимаешь? Как мы ехать дом?
— Я.
— Что я?! Где катер, Курт?
— Нет катер, — немец пожал плечами. Он перестал ходить, сел на песок и обхватил голову руками.

— Mein Gott, mein Gott!¹⁷

С океана потянуло холодком, поднимался ветер. Вадим ощутил на лице острые капли мороси, поежился.

— Дождя нам только не хватало, — он оглянулся на Курта. — Вещи надо укрыть.

И не надеясь, что немец понял, стал засовывать вещи в сумку.

Через час подул сильный ветер, затрепал, отвернул макушки пальм. Прибой грохотал и ворочался со страшной силой, с пушечным выстрелом хлопались о коралловый песок валы. Когда запустил частый тропический ливень, насквозь пробивая их ветхое укрытие, они не сговариваясь схватили вещи и понеслись к вагончику.

Анаба, массивная и неподвижная, как Будда, сидела внутри вагончика на своем ложе из пальмовых листьев и курила.

— Мы тут посидим? — виновато попросил Вадим, мокрый до нитки. — В уголке, пока дождик не кончится.

Женщина даже не моргнула. Ветер усиливался. В окно было видно, как он выворачивал макушки пальм, вспенивал листву кустарников. Дождь яростно грохотал по жестяной крыше.

Они сидели и молчали. В вагончике сделалось совсем сумеречно. Бешеный ветер отдирали железные листы, скрежетал ими, мощные потоки воды лупили, как из брандспойтов в стены и крышу. Океан ревел. Было страшно представить, что там творилось.

«А этой хоть бы что, — с каким-то тихим благоговением думал Вадим, взглядывая на неподвижного истукана, — даже если нас смоет, как щепу, она и глазом не моргнет».

Когда вагончик вздрогнул под неистовым напором, немец, мокрый до нитки, с трясушей нижней челюстью, сказал обреченно и почти без акцента:

— Сейчас будет смерть.

Вадим невольно улыбнулся, положил ладонь ему на плечо:

— Ерунда, выдержит.

Шторм бушевал весь день и всю ночь. Немец, измученный сильным напряжением в ожидании смерти, уснул, привалившись к дощатой стене вагончика. Вадим много раз задремывал, но и сквозь дрему, улетаая в черную бездну, слышал грохот волн и шум ветра за спиной. Проснулся утром. Давно уже рассвело, но утро было мглисто, пасмурно. Океан грохотал, хотя ветер поутих, ливень прекратился. Разбудили его странные звуки равномерного постукивания деревяшки о деревяшку. Он разлепил глаза и некоторое время вслушивался, пытаясь понять, что бы это могло быть. Приподнялся и чуть не заржал в голос. Анаба монотонно и без малейших эмоций качалась, сидя на немце, изможденно раскинувшем руки.

— Mein Gott, mein Gott! — стонал немец, то ли благодаря, то ли жалуясь.

Вадим вышел наружу.

7

Катер пришел через два дня после шторма. Все те же два угрюмых туарега забросали на борт их вещи, ткнули каждому в грудь спасательный жилет, отлили за кустом и уселись в свои кресла. Курт был весел. Он что-то без умолку болтал, но Вадим не

¹⁷ Мой Бог, мой Бог!

вслушивался. Когда застучали моторы и катер, набирая ход, пошел к протоке, он обернулся и не нашел места причала. Всюду тот же песок, те же кусты на высоких корнях, торчащие из воды. Пока летели через океан, перед ним как-то сами собой вставали картинки: подернутое пеплом кострище на берегу, вспенивающийся прибой, изодранные штормом пальмы.

«Нет, — думал Вадим, — не это имел в виду Гоген, не такой рай он искал. Немец — он и есть немец, но мы-то не немцы, нас не пронять ни холодной немецкой философией, ни грубыми первобытными удовольствиями. Прав был Пичугин: всюду одно и то же. И Гоген, прибыв на Таити, не нашел здесь того, чего искал. И создал свой рай: первобытных смуглых людей на фоне фиолетовых деревьев, тихое место для медитаций, которого нет на Земле, да и не было никогда, разве что в самые первые библейские времена. Вот и Левитан, не найдя в неприветливых российских просторах своего рая, создал его. И до сих пор многие верят, что где-то есть левитановские места, зачарованные омуты, притихшие осенние березовые рощи, освещенные луной стога — щемящая мечта, приют для усталых путников. Может быть, в этом и заключается задача художника — нарисовать свой рай, свой остров, прибежище для скитальцев, надежду несчастного человечества».

Небо понемногу прояснилось. Океан неторопливо взваливал и опускал летящее через него суденышко. А Вадиму представлялся уже осенний Ярославль, засыпанные листвою аллеи, вечерние огни вдоль Волги.

«Ну что же, — думал он, радостно предвкушая возвращение, — во всем есть своя прелесть. Если всмотреться, то всюду можно обнаружить свои, пусть хоть и едва проступающие, черты первообразов, задуманные Творцом в начале творения. Будем их выявлять, раз такое наше ремесло, будем работать, искать свой рай...»

ПЕРЕВАЛ

1

Солнце поднялось высоко над снежными вершинами, когда Саид, шурясь, вышел из пещеры. Образовавшиеся за ночь наледи сочились талой водой, из-под твердого наста на склонах бежали бесчисленные ручьи, черные, с золотыми каемками. Радужными алмазными гранями вспыхивали обледеневшие скалы.

Впервые попав в эти места и оставшись без проводника, до изнеможения блуждая среди безжизненных льдов, он представлял себя забытым на далекой безлюдной планете, вроде Европы или Ио, обреченным на медленную мучительную смерть среди вечных неподвижных льдов, совершенно равнодушных к судьбе человека. Тогда он сумел преодолеть не только себя, но и защитный барьер. Высланный навстречу проводник нашел его уже по ту сторону границы едва живого, перетащил в пещеру. С тех пор Саид — единственный постоянный обитатель этих мест. Где-то западнее и восточнее есть другие сторожа, но с ними он никогда не встречался, только чуял их безмолвное присутствие.

За то время, что прожил в уединении на перевале, Саид привык к суровым условиям и скудной пище. Первые годы во время холодных ночей он забирался глубоко в пещеру, туда, где ощущалось теплое дыхание недр. В лютые морозы разводил огонь. Это было давно. Теперь Саид живет у самого входа и не разводит огня. Зачем ему огонь? Огонь в нем самом. Этого достаточно.

Его дело — охранять перевал, отводить случайных людей, могущих нарушить работу Обители. Званные гости в этих местах редки, как вспышка сверхновой. Работая

в молодые годы в обсерватории, Саид знал, как редки сверхновые в нашей галактике. С тех пор много времени утекло. Сидя в полном одиночестве на перевале, не имея никаких приборов и средств связи, Саид узнал о Вселенной намного больше, чем все астрономы мира. Восприятия Саида так обострились, что он легко может видеть в полной темноте, может уловить хруст льда под лапой зверя далеко на склоне. Больше того, постоянное напряженное вслушивание приучило его находить и различать не только отдаленные звуки, но и воспринимать волны приближающихся событий.

Внизу, за перевалом стоит плотный туман, застилающий долину, в которую Саиду нет входа, в которой он не бывал ни разу. В долине бьют гейзеры и цветут сады. Иногда оттуда доходит запах роз и магнолий.

Далеко над снежными вершинами прошел в темном, почти космическом небе сверкающий на солнце аппарат. Последнее время Саид видит их часто. Он знает, что такие аппараты делают глубоко под землей. Они плавают высоко в стратосфере, охраняя верхние слои от губительных излучений. Аппарат прошел на значительной высоте, сделал внезапный зигзаг и скрылся.

Саид шел и вслушивался в чужаков, медленно, но верно приближающихся к запретным границам. Их трое. Русские. Однажды двое русских приезжали к ним в обсерваторию. Некоторое время жили рядом в вагончике, обтирались снегом по утрам. Немного угрюмые, но простодушные ребята, учили Саида русским словам, подшучивали. Потом у одного из них лопнули сосуды, пошла носом кровь, и им пришлось уехать досрочно. К высокогорью надо привыкать.

Два мужчины и женщина. Женщине нет и тридцати. Мужчины чуть постарше. В оранжевых меховых куртках, с рюкзаками. Несут кучу ненужных вещей. Еду готовят на газовой горелке, спят в меховых спальниках. В таком примерно спальнике спал Саид, когда работал в обсерватории. Ночами просиживал в ватнике у прибора, а днем спал. Тогда-то и приучился к холоду. К еде же был непритязателен всегда. Слишком сильна была жажда знаний, чтобы отвлекаться на ерунду.

Неглупые, но огонь горит в них слабо, рассеянно. Слишком много «хочу» и очень мало сдержанности, концентрированной силы. Идут не спеша, на ощупь, не зная пути. Ничего, кроме гибели, не ждет их на подступах к охраняемой священной долине. Надо предупредить.

Далеко внизу засверкали бесчисленные промоины. Но Саид знает, что прямого пути здесь нет. Тропа извилиста, она петляет меж обледеневших уступов, уклоняясь то к западу, то к востоку, постепенно спускаясь. Только к полудню он вышел к ручью, в том месте, где можно перебраться на другую сторону, почти не замочив ног. Ручей широкий и бурный. Но Саид знает место брода, знает каждый притопленный камень, на который надо поставить ногу. Вода пела и пенилась вокруг, радостно приветствуя его. И Саид был благодарен ей за эту приветливость. Подобрал полу чубы, туго перепоясанной синим кушаком, он переступал с камня на камень, внимательно ставя ногу на скользкую поверхность. Где-то на середине переправы войлочная шляпа съехала ему на глаза. Он остановился, поправил ее и неторопливо продолжил путь. Его кожаные сапоги на резиновой подошве не пропускали воду, притопившую камни, а заботливо подвернутая чуба осталась даже незабрызганной.

2

Шли неторопливо, с опаской посматривая на неприступные снеговые вершины. У ручья решили сделать привал. Игорь шел впереди, немного прихрамывая: натер ногу. Достигнув ручья, он свалил рюкзак, сел на него и, упираясь пяткой о камень, стянул сапог.

— Купаться будешь? — как всегда насмешливо, спросил Антон, подходя сзади и сваливая свой рюкзак, чуть не в два раза больший, чем у Игоря.

Игорь промолчал. Он стащил носок и внимательно ощупал припухшее, покрасневшее место с содранной кожей, чуть ниже на суставе большого пальца. Достал из кармашка рюкзака аптечку.

— Ну-ка покажь, — Антон склонился, снял темные очки, брезгливо поморщился, — дело дрянь. Вот точно так было у моей бабушки, э-э-э, перед смертью.

Он похлопал Игоря по плечу и полез в рюкзак за горелкой и баллоном.

— Отдохнем, а утром — на приступ, — бодро объявил он подхолившей с понурым видом Марине, — перевалим до темноты.

Марина не ответила. Антон помог ей свалить рюкзак, и она устало опустилась на него, переводя дух.

— После этого похода я буду год отлеживаться, — сказала она вяло, — просто буду лежать и смотреть в потолок. И в руки не возьму ничего тяжелее чашки чая.

Антон хмыкнул. Он зачерпнул воды в котелок и поставил на огонь.

— У меня в термосе тибетский чай остался, еще теплый, если кто хочет, — сказал Игорь.

Марина состроила гримасу отвращения:

— Бе-бе-бе! Я это соленое пойло с молоком и жиром больше в рот не возьму. Даже если буду от жажды умирать. Как вы можете пить такую гадость?!

— А по-моему, ничего, своеобразно...

И тут они заметили старика. Он неподвижно сидел на камне и смотрел на воду. На нем были длинное запашное пальто, подпоясанное кушаком, в каких ходят тибетцы из дальних селений, и глубокая войлочная шляпа с полями. На плечах лежали мелкие косички с вплетенными в них синими ленточками. Разом замолчали. Стало слышно, как шипит газ в горелке, как ветер рвет язычки пламени. Первым опомнился Антон:

— А вот и йети.

Игорь и Марина, как замороженные, смотрели на незнакомца.

— Чаю хотите? — крикнул Антон старику. — Марина, как там по-тибетски чай?

— Не знаю, — сглотнув слюну, тихо ответила Марина, не отрывая глаз от войлочной шляпы.

— Tea. To drink tea¹⁸, — крикнул Антон.

Старик повернул голову и посмотрел на него, но не ответил. Антон поднял руку в знак приветствия.

— To drink tea, — крикнул он опять старику.

Тот отрицательно помотал головой.

— Кажется, он понимает английский, — сообщил Антон.

— Сам-то ты понимаешь свой английский? — съехидничал Игорь.

— А вот и проверим.

Нарочито неторопливо он подошел к незнакомцу и остановился в трех шагах. Старик все так же сидел и смотрел на него. Стараясь не делать резких движений и дружелюбно улыбаясь, как Кук перед аборигенами, Антон заговорил на своем скверном английском:

— How to get to the pass?¹⁹

Ни один мускул не дрогнул в лице старика. Глядя в глаза Антона своими узкими азиатскими глазами, он покачал головой. Антон хотел повторить вопрос, но старик его остановил.

¹⁸ Чай. Пить чай.

¹⁹ Как добраться до перевала?

- There is no way here²⁰.
- We need to go to the pass²¹.
- Go back²², — сказал старик.
- Вот черт!

Антон растерянно обернулся к своим.

- Кажется, не понимает.
- Спроси про перевал, — крикнула Марина.
- Уже.
- И что? Что он ответил? Ты понял, что он ответил?
- Что прохода здесь нет. Говорит, чтобы мы возвращались.

Марина подошла к Антону.

- Жаль, что я изучала французский.
- Не понимаю. По карте перевал совсем рядом.

Антон посмотрел на старика и указал ему в сторону перевала:

- The pass?²³
- Death²⁴, — ответил старик.
- Where is the passage?²⁵
- There is no passage. There is death²⁶.

Подошел Игорь.

- Что тут у вас?
- Да ерунда какая-то, — буркнул Антон, — говорит, что прохода нет, что там смерть.
- Наверно, мы зашли на какие-то их священные земли, — предположила Марина, — и духи не хотят пропустить нас.
- Думаю, мы с этим шаманом не договоримся. Перекусим и пойдем своей дорогой.
- Антон подошел и обнял Марину за талию. Игорь понуро смотрел им в спины.
- Ходить нет, — сказал старик по-русски им вслед, — смерть.
- Антон с Мариной переглянулись. Игорь открыл рот.
- Знаешь русский? — спросил Антон, вернувшись к старику.
- Марина с Игорем остались стоять там, где были. Старик кивнул:
- Знать мало-мало. Ходить нет. Много снег. Смерть.
- А-а! — обрадовался Антон. — Я, кажется, понял, — крикнул он Марине и Игорю. — На перевале много снега, есть опасность схода лавин.
- Снег, — подтвердил старик, кивая головой. — Много снег. Смерть.

Пока заваривали вермишель быстрого приготовления и пили чай с бутербродами, ступили сумерки. Старик сидел на камне и смотрел на воду. Пока Антон и Игорь, склоняясь головами, изучали карту, он как будто дремал, сидя у ручья. А потом как-то незаметно исчез, не оставив никаких следов на обледеневших камнях.

— Перевал здесь, — постукивая средним пальцем по карте, — говорил Антон, — другого нет. И я предлагаю рискнуть. Осторожно пройдем. Глупо поворачивать на полпути из-за какого-то старика.

— Я согласен, — поддержал Игорь. Энтузиазма лезть на заснеженный перевал у него не было, но он не хотел показаться хлюпиком.

²⁰ Здесь нет пути.

²¹ Нам нужно пройти к перевалу.

²² Возвращайтесь.

²³ Перевал?

²⁴ Смерть.

²⁵ Где находится проход?

²⁶ Здесь нет прохода. Есть смерть.

— А я думаю, нам надо вернуться, — в задумчивости сказала Марина. — Нет никакой надобности рисковать. Мы и так достаточно посмотрели этот дурацкий Тибет. Лед и снег — вряд ли нам еще что-то покажут.

— А как же Шамбала? — усмехнулся Антон.

— Антон! — Марина укоризненно покачала головой. — Шамбала — это в другом измерении.

— Ну а тут портал какой-нибудь, вот как раз за этим перевалом.

— Даже если и так, нас все равно туда не допустят, — вздохнула Марина.

— А этого чурку пустят?

— Чурку-то как раз, может, и пустят.

— Твоя моя не понимает. Ладно, давайте так — теперь так и так поздно, а утром пройдем немного, посмотрим, как там и что. Вернуться всегда успеем.

На том и порешили. Поставили палатку и залезли в спальники.

К ночи ветер усилился, он срывал с уступов тонкий снежный покров и закручивал его в вихри. Растяжки напрягались и пели, их пришлось укрепить камнями. В полночь началась гроза. Вспышки синих молний, как рентгеном, насквозь просвечивали палатку. Ударов грома не было. Сухой треск, переходящий в яростное шипение, сопровождал вспышки.

— Такое впечатление, что это крупная авария на мощной электростанции, — пошутил Игорь, лежа в своем спальнике.

— Ага, — тут же отозвалась Марина, ей было страшно, — первый раз попадаю в грозу в горах. Мне рассказывали, что это жутко, но я не думала, что настолько.

Молнии хлестали, как из катушки Тесло. Ветер выл и крутил вихри, барабаня в бока палатки ледяной крупой.

— А представляете, если бы мы пошли выше?! — с ужасом подумала вслух Марина. — Старик нас предупредил, а мы решили переться, как последние дураки.

— Панику не наводи! — нарочито равнодушным голосом скучающего в вынужденном безделье человека сказал Антон. — Спать давайте, утро вечера мудренее.

Но спать не получилось. Ветер еще усилился, переходя в ураган. Палатку приподнимало. Первым не выдержал Игорь, он ерзнул молнией, выбрался из спальника и полез к выходу.

— Холода напустишь, — предупредил Антон.

Игорь не ответил. Выбравшись из палатки, он едва устоял на ногах, схватился за сильно, как басовая струна, вибрирующую растяжку. Снаружи все выло и летало. И шипело в непрерывных лиловых всполохах. Шипящие щупальца лохматых молний перекрывали одна другую.

— Мать честная! — поразился Игорь. — Вот это да!

Но и сам не услышал своего голоса. Наклонился и крикнул в палатку:

— Эй, вылезайте, это надо видеть!

— Что там, что? — переполошилась Марина.

Она выбралась из своего мешка и в одних носках выскочила наружу. Игорь что-то крикнул ей, но не было слышно.

— Мамочка родная! — прошептала Марина одними губами, увидев, что творится вокруг палатки.

Снизу ее дернул за ногу Антон, и, когда она присела, крикнул в ухо:

— Обуйся!

Марина обулась, и оба они вылезли из палатки. Держась за растяжку, стояли и смотрели на фантастическую круговерть. Кричать было бесполезно, и они смотрели молча, одновременно с ужасом и восхищением. В черном небе стремительно неслась ка-

кая-то муть, сквозь которую проступали звезды, страшно яркие, густо, обильно населяющие неземные миры. А в ста метрах от палатки в белесой ледяной мгле пространства стоял на хвосте и бешено вращался гигантский черный смерч, похожий на огромную, вставшую на хвост и готовящуюся к прыжку кобру. Смерч шевелился, лениво танцуя вдоль ручья. Острая ледяная крупа больно царапала лица, влипала в свитера, волосы, но путники в ужасе застыли на месте. В некотором отдалении шевелился еще один смерч, еще огромное, страшной воронкой своей уходящий к самым звездам. Черная вращающаяся масса его, казалось, втягивала в себя не только ледяную снежную муть, но и само пространство.

Антон схватил Игоря за плечо, притянул к себе, крикнул в ухо:

— Лезь в палатку, заморзнешь!

Игорь не понял. Он повернулся к Антону лицом, в глазах его стоял такой ужас, что Антон отшатнулся.

— Уходим! — кричал Игорь. — Бежим вниз, вдоль ручья!

Он рванулся, но Антон удержал его, сбил с ног и поволок в палатку.

— Пусти, пусти! — кричал Игорь, пытаясь вырваться из цепких рук товарища.

— Марина! — крикнул Антон.

Марина с трудом оторвалась от гипнотизирующего зрелища смерчей.

— Мы умрем! — мрачно сказал Игорь, когда они забрались в палатку.

— Не умрем, — спокойно ответил Антон, — смерти нет, правда, Марина?

— Дурак.

Марина забралась в спальник и смотрела неподвижно в вибрирующий потолок палатки.

— Мы умрем, — убежденно повторил Игорь.

Но затих и он. Они молча лежали в своих спальниках и ждали, что будет.

«Как же легкомыслен человек, если думает бороться с подобной стихией! — благоговейно думал Игорь. Шок от увиденного сменился у него эйфорией. — Что там адронный коллайдер! Что там атомные станции! Вот мощь, которую невозможно преодолеть, как невозможно преодолеть гигантские цунами или извержения вулканов! Сколько бы ни пыжился человек, ему никогда не удастся покорить стихии. Мы так и останемся муравьями в муравейниках, разумной плесенью на поверхности почвы. Нам кажется, что мы умны и все сможем, не сейчас — так в будущем. Господи, да нет у нас никакого будущего! Чуть похолодает или потеплеет — и конец, загнемся, как повилика на морозе. Велик не человек, а вот это! Вот Оно!»

Марина смирилась. Вид приближающейся ужасной смерти смирил ее, даже успокоил. Она приняла это как неизбежное и должное. «За всё. За все наши „хочу“, за несусветную глупость всей нашей нелепой жизни, ненужной, ничтожной». Она лежала спокойная, ко всему готовая.

Антон был напряжен, за внешней бравадой прятались предательская неуверенность, страх, в том числе и страх ответственности за эти две жизни, которые он легкомысленно притащил в этот ад, которые не может спасти, вырвать из лап надвигающейся немислимой тьмы.

Ураган продолжался всю ночь. Всю ночь шипели и трещали молнии, насквозь просвечивая палатку, от чего из нее с невероятной скоростью всякий раз выпрыгивали тени, как темные личности из тамбура на полном ходу летящего поезда. Утихло только к рассвету. И Антон задремал, погрузился в тяжелую тревожную дрему. И оказался в своей комнате, где различил свои вещи в сереющих сумерках. Звучала тихая щемлящая музыка. За окнами шел дождь, висел сплошной серой пеленой. Окнами комната выходила на город, застланный пеленой дождя, серый, безлюдный. Он виделся весь,

со всеми пустынными серыми кварталами, расположенными далеко внизу. Задней стенкой почему-то не было, сквозь образовавшийся проем можно было выйти в сад, прямо под намокшие вишни. Музыка доносилась оттуда. «И так даже лучше, без стенки, — подумал Антон, — как мне раньше не приходило в голову выломать ее?!» Ему хотелось выйти в сад, но что-то удерживало, беспокоило. Он осмотрел комнату и обнаружил старика в войлочной шляпе. Старик, сложив руки на груди крестом, как мумия, сидел на диване и смотрел на него.

«Чего он от меня хочет?» — подумал Антон.

— Иди назад, — сказал старик глухим голосом.

«Он читает мои мысли», — подумал Антон.

— Я хочу выйти в сад, — сказал он старику.

— Там смерть.

— Нет, это только сад, вишни, травка, синички...

Он посмотрел в сад и отшатнулся. Сад был весь в густом снегу, и небо было темное, ночное, и на нем, от края до края раздирая его черную холстину, трещали синие молнии.

— Это смерть, — убежденно произнес старик.

И Антон понял, что так оно и есть. Что там, за пределами этой комнаты, находится нечто ужасное, что принять он не готов, не в состоянии перейти границы.

— Да, — сказал он старику, — да, да, смерть, я понял.

И комната начала вращаться, сначала медленно, но потом все быстрее и быстрее.

«Я умираю, — подумал Антон, — это смерть».

Проснулись поздно, спустились к ручью, умылись ледяной водой. Повалил снег из низко, почти у самой земли ползущих туч, стал отвесно падать широкими кристаллическими пластинами, мгновенно скрыв склоны. Ручей жадно, как изголодавшийся зверь, хватал и хватал их, проглатывая тысячами, миллионами, не в состоянии насытиться.

Чай кипятить не стали. Собрали вещи, свернули палатку и молча, не сговариваясь, пошли обратно.

3

Через трое суток, измученные, но повеселевшие, вышли к той горной деревушке на федеральной трассе, с которой начали свое пешее путешествие к нагорью. С удовольствием поели в чайной маме с мясом дри, весело обсуждая местные нравы: невымытые полы, общую посуду, которую, по мнению Антона, просто вылизывают вечно голодные мальчишки, темнолицие, мордастые и морщинистые, как маленькие старички. Мужчины с удовольствием выпили часуймы вприкуску с ячменными лепешками, посмеиваясь над Мариной, которая пить «это пойло» наотрез отказалась. Договорились с местным водилой, он за небольшую плату согласился отвезти их до автостанции. Уже загрузив вещи в машину, весело перебрасываясь шутками, заметили знакомого старика в войлочной шляпе, неторопливо подходящего к чайной. Помахали ему рукой, но он не ответил — то ли не заметил, то ли не захотел. Когда машина, погазовав, тронулась и мимо поплыли нищенские кирпичные домики с плоскими крышами, с бесчисленными пристройками, с каменными ограждениями для скота, они уже забыли о старике и, весело болтая, мешая русские слова с английскими, подшучивали над водилой — темнолицым белозубым парнем лет тридцати, очень крепко держащим руль и вприщур смотрящим на дорогу, на аккуратно размеченное полотно шоссе, на сумрачные, почти черные горы с белыми вершинами по горизонту, приветствуя редко проносящиеся навстречу грузовики поднятой рукой и белозубой улыбкой.

Проводив незваных гостей, Саид решил перекусить и отдохнуть перед дальней обратной дорогой. Он редко бывал в местных селениях, но в этой деревушке его знали. Такие деревушки, расположенные вдоль федеральной трассы, встречаются через каждые десять-двадцать километров. Одноэтажные каменные лачуги с загонами для скота, бензоколонкой, чайным домом или закуской. В высокогорье тибетцы живут бедно. Овощи здесь завозные, ни кур, ни уток никто не держит. Едят сырое ячневое тесто, мясо яков, баранину и козлятину. Из той же ячменной муки пекут лаваш и делают лапшу — широкими листами. Несколько раз на дню пьют чай — особым образом приготовленный отвар кирпичного прессованного пуэра с молоком и маслом яка, сильно подсоленный. Пить его можно только в горячем виде, остывая, такой чай превращается в жирный соленый кисель.

Саида считали своим, местным, хотя никто не знал, где он живет. Никто никогда ни о чем его не спрашивал, но все относились с большим почтением как к одному из отшельников, живущих по пещерам близких нагорий. Когда он приходил в деревню и заходил в чайный дом, хозяин встречал его с улыбкой и сажал на лучшее место. Ему подавали отдельную посуду и не брали плату.

Зайдя в чайную, Саид поприветствовал хозяина. Ему отвели место у окна, напротив танки с мандалой, изображающей обители Будд. Саид бывал в этой чайной много раз и всегда сидел на этом месте. Ему нравилось, что здесь неровные стены чисто выбелены, а не ярко разрисованы, как обычно, и только на балках и опорных столбах скромно увивались традиционные красные и синие орнаменты. Глазу можно было отдохнуть. И вид за единственным окном — на отдаленные горы, а не на скотный двор, унавоженный, истыканный, измешенный сотнями копыт.

Саид снял шляпу, как всегда, попросил тхупка — лапшу с мясом яка и чай. Ел он мало, тем более в пути. К тибетской кухне привык давно и давно научился не замечать суровость высокогорных условий и скудость местной жизни.

Поев и напившись чаю, прилег отдохнуть на деревянную скамью, покрытую войлочным одеялом. Хозяин вышел, запретив беспокоить гостя. Часа через два пришел проводник-китаец и с ним незнакомый высокий человек лет пятидесяти пяти, судя по острым скулам и узкой бородке, монгол. Хозяин чайной не хотел их пускать, но Саид встал и вышел навстречу гостю. Пришедшие поклонились. Саид кивнул. Пока пришедшие пили чай, он сидел, привалившись к каменной изгороди, и смотрел на свои горы. Путь предстоял неблизкий, в три перехода, с ночевками на снегу, на каменистых россыпях, среди талых ручьев, под просторами высокогорного звездного неба. Но это не пугало, а радовало, ведь Саид возвращается в свой мир беспредельной тишины, мир талых снегов, мир яркого солнца, под самые облака, на порог священной обители, выполнять свою добровольную работу сторожа, созерцать долгими звездными ночами иные миры.